

В диссертационный совет 03.2.010.01,
созданный на базе федерального
государственного казенного
образовательного учреждения высшего
образования «Омская академия
Министерства внутренних дел Российской
Федерации»
644092, г. Омск, пр-т Комарова, д. 7

ОТЗЫВ

официального оппонента на диссертацию Мерлакова Данила Сергеевича
«Уголовно-процессуальная компетенция субъектов, ведущих досудебное
производство», представленную на соискание ученой степени кандидата
юридических наук по специальности

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

Актуальность избранной темы. Уголовно-процессуальная компетенция субъектов, ведущих досудебное производство, – одна из наиболее сложных и обсуждаемых тем как в теории уголовно-процессуального права, так и в практической деятельности. Актуальность обозначенного предмета исследования подтверждается несовершенством нормативной регламентации, наличием противоречивых примеров судебной практики, а также различными подходами в научной среде. Процессуальный статус названных участников уголовного судопроизводства является важнейшим социальным фактором, демонстрирующим эффективность воздействия государства на общественные отношения. Функционирование демократического государства диктует потребность постоянного мониторинга проблем регулирования деятельности следователя и его руководителя, их взаимоотношений с прокурором и судом, исследования многообразных негативных проявлений и различных концептуальных подходов к содержанию анализируемого процессуального института. Это особенно важно, учитывая современное состояние законотворческого и правоприменительного процессов, отличающихся, с одной стороны, своей нестабильностью, поспешным и не всегда продуманным корректированием норм для приведения в соответствие с реалиями социально-экономического развития страны. С другой стороны, характеризующихся определенными изъянами, сопровождающими систему органов уголовной юстиции, такими как высокая текучесть кадров, низкий уровень профессионализма, слабое материально-техническое обеспечение и многими другими явлениями, влекущими ослабление государственного механизма реализации процессуальных решений в уголовном процессе.

После длительного периода становления правового государства и чрезмерной увлеченности законодателя реформированием российского уголовного процесса в духе, так называемой англосаксонской состязательности, при которой органы предварительного расследования были ориентированы исключительно на обвинительную функцию, большинство практикующих юристов и коллег по научному сообществу, осознали несостоятельность такого пути. Нужно признать, что отдельные положения УПК РФ не учитывали в полной мере исторические тенденции и реалии развития российского общества. Поскольку внутренняя организация публичного построения уголовного процесса, когда компетентные органы и лица, осуществляющие деятельность до суда и для суда, наделены обязанностями по

отношению к государству, обществу, обуславливает необходимость предоставления им властных полномочий, которых не может быть у других участников уголовно-процессуальных отношений. Следствием проблемы обострились взаимные правоотношения между властными участниками уголовного судопроизводства. Так, например, с одной стороны, следователь как участник стороны обвинения, стоит в одном ряду с прокурором, а с другой – находится под его надзором.

Пытаясь «шлифовать неровности» законодателем предпринимались существенные шаги по совершенствованию досудебного производства. Они касались вывода следователей из состава органов прокуратуры и перераспределения процессуальных полномочий между прокурором и руководителем следственного органа; постоянно расширялись возможности участников деятельности по проверке и разрешению сообщений о преступлениях; трансформировались процедуры дознания и др. Между тем, по-прежнему, нет строго исчерпывающего перечня субъектов, ответственных за ведение досудебного уголовного производства, их взаимоотношения между собой не урегулированы. И несмотря на то, что проблемы уголовно-процессуальной компетенции субъектов, ведущих досудебное производство, постоянно находятся в центре внимания законодателя, правоприменителей и ученых, в государстве действительно так и не сложилась единая и последовательная стратегия относительно перспектив его построения.

Степень обоснованности научных положений, выводов и рекомендаций, сформулированных в диссертации. Д.С. Мерлаков абсолютно справедливо обратился к анализу терминологии, используемой федеральным законодателем, он констатирует, что категории «компетенция», «компетентный», «компетентность», «в пределах компетенции» (ст.ст. 11, 37, 38, 144, 146 УПК РФ и др.) упоминаются при изложении многих ключевых норм, но интерпретация их многообразна. При этом в числе основных понятий в ст. 5 УПК РФ толкования им не даётся. Нет понимания проблемы и на ведомственном уровне. Отсутствие законодательного и теоретического определения компетенции, – пишет автор, – имеет большое значение, в том числе при выборе актуальных направлений совершенствования полномочий государственных органов и должностных лиц, ответственных за ведение досудебного производства. Он совершенно прав, нельзя сначала построить дом, а затем заложить к нему фундамент.

Таким образом, комплексное исследование уголовно-процессуальной компетенции субъектов, ведущих досудебное производство, является исключительно важным не только в теоретическом, но и правовом, организационном аспектах. Именно с таких методологически обоснованных позиций Д.С. Мерлаков подошел к предмету своего исследования, что нельзя не поддержать.

Представленная для оппонирования диссертация принципиально отличается от предшествующих ей работ, прежде всего по объекту исследования, в содержание которого заложена уголовно-процессуальная компетенция субъектов, ведущих досудебное производство; а также цели, предполагающей гармонизацию процессуальных установок об уголовно-процессуальной компетенции субъектов, ведущих досудебное производство, берущих свои истоки в советский период, и требующих корреляции с современными тенденциями правоприменительной практики и правотворческой политикой в сфере уголовного судопроизводства.

Изучение диссертации показало, что обозначенная цель Д.С. Мерлаковым достигнута и успешно решены поставленные задачи.

Работа вносит существенный вклад в разработку комплекса теоретических положений, устанавливающих оптимальность уголовно-процессуальной компетенции субъектов, ведущих досудебное производство, в аспектах ее доктринального осмысления, специфики современного нормативного воплощения и практической реализации. Обоснованность научных положений, выводов и рекомендаций, сформулированных в диссертации, не вызывает сомнений.

Достоверность результатов диссертационного исследования достигнута использованием различных методов – всеобщего диалектического, а также комплекса общенаучных и частнонаучных методов познания.

Автор использовал материалы следственной и судебной практики, официальные статистические данные о деятельности правоохранительных органов. Обоснованность научных положений, выводов и практических рекомендаций, полученных в диссертации, обеспечивается полнотой используемых научных и нормативных источников, репрезентативностью эмпирического материала, включающего результаты изучения и обобщения 130 материалов об отказе в возбуждении уголовного дела, 210 уголовных дел, находившихся в производстве у следователей и дознавателей органов внутренних дел в период с 2017 по 2023 гг..

По специально составленной программе соискатель провел анкетирование 143 сотрудников, ведущих досудебное производство (следователей, дознавателей, руководителей следственного органа и органа дознания системы МВД России) и 52 работников прокуратуры. Произвел анализ решений Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации, судебной практики судов общей юрисдикции различных субъектов Российской Федерации; данные официальной статистики ГИАЦ МВД России, Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации за период с 2013 по 2023 гг.; результаты (итоги) эмпирических исследований, опубликованных другими авторами, а также использовал личный пятнадцатилетний опыт работы в качестве следователя, руководителя следственного органа следственных подразделений органов внутренних дел Российской Федерации. Исследование отличается применением взаимодополняющих методов получения и анализа этих данных, результаты анкетирования представлены в приложениях 1-3 к тексту диссертации, активно использованы для аргументации выводов на стр. 123, 124, 149, 167 и др.

Следует отметить внимательность и скрупулезность Д.С. Мерлакова в обнаружении и исследовании имеющихся теоретических работ и нормативных источников по теме работы. Автором использованы законы и подзаконные нормативные правовые акты Российской Федерации, судебная практика, научная, учебная и иная литература, диссертации и авторефераты диссертаций. Все они включены в список литературы, включающий в себя 329 источников (стр. 208-243).

План исследования выстроен логично. Структура работы, её построение, последовательность и объем изложения позволяют отметить высокий научный уровень исследования. Диссертация состоит из введения, двух глав, включающих шесть параграфов, заключения, списка литературы и приложений. Между главами и соответствующими параграфами существует логическая и смысловая связь.

Во введении в соответствии с установленными требованиями обосновываются выбор темы, ее актуальность, степень разработанности; раскрываются объект и предмет исследования; определяются цель и задачи, теоретическая основа, научная новизна; характеризуется теоретическая и практическая значимость работы;

указываются методология и методы исследования; формулируются положения, выносимые на защиту; излагаются сведения о степени достоверности и апробации полученных результатов, структуре и объеме работы.

В первой главе рассмотрены теоретические аспекты к пониманию категории «субъект досудебного производства» в контексте системы участников уголовного процесса, произведена их классификация, исследовано понятие, сущность и виды уголовно-процессуальной компетенции субъектов, ведущих досудебное производство, изучена регламентация ее пределов.

Вторая глава посвящена практической составляющей рассматриваемой категории «уголовно-процессуальная компетенция субъектов, ведущих досудебное производство», включающей в себя три параграфа, содержание которых структурировано в зависимости от различных этапов досудебного производства (при рассмотрении сообщений о преступлениях; при предварительном расследовании; а также в зависимости от форм расследования: дознание, предварительное следствие, проведение неотложных следственных действий).

Автор констатирует организационно-процессуальную проблему ненадлежащей регламентации компетенции соответствующих субъектов и отмечает, что для ее решения требуется реализация комплекса правовых и организационных мер, направленных на повышение эффективности и рациональности деятельности уполномоченных государственных органов и должностных лиц, осуществляющих уголовный процесс.

Объем работы без списка литературы и приложений составляет 207 страниц. Приложения к диссертации включают сведения о результатах анкетирования (стр. 244-250), предложения технико-юридического характера по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства (стр. 251-262). Данные материалы информативны и полезны в силу наглядности и конструктивности.

Научная новизна работы. Привлекательными с точки зрения научной новизны, оригинальности и содержательности, на взгляд оппонента, являются абсолютное большинство основных положений, выносимых на защиту.

Следует поддержать авторский подход автора в разграничении категорий «субъект» и «участник» уголовного процесса (судопроизводства). Так, к субъектам уголовного процесса автор относит исключительно тех участников производства, которые не имеют собственного интереса в юридическом споре о преступлении, наделены государством правоприменительными властными полномочиями. Реализация функций данными субъектами является продуктом их официальной деятельности в уголовном судопроизводстве, назначение которого обусловлено властным началом уголовно-процессуальных отношений (*положение 1*).

Заслуживает внимания предложенная автором формулировка определения субъектов уголовного досудебного производства, как уполномоченных государством органов и должностных лиц, которые вступают в правоотношения с другими участниками уголовного процесса и в соответствии с установленной УПК РФ компетенцией осуществляют деятельность, связанную с формированием доказательств, предварительной правовой оценкой деяния, в котором устанавливаются признаки преступления, а также созданием иных предпосылок для рассмотрения уголовного дела в суде. Соискатель при этом вычленяет из данного сегмента субъектов досудебного производства привлекаемые для оказания содействия в уголовный процесс органы и должностные лица, не уполномоченные

осуществлять правовую оценку деяния. Своеобразным и смелым является вывод о том, что субъекты досудебного производства должны быть причислены к особой группе участников процесса, не относящейся к сторонам обвинения или защиты, автор видит оптимальным перемещение ст. ст. 37–41 УПК РФ в новую главу 5.1 УПК РФ «Государственные органы и должностные лица, осуществляющие досудебное производство» (*положение 2*).

Не менее интересной и заслуживающей конструктивного анализа является предложенная автором классификация субъектов уголовного досудебного производства по критерию – характер компетенции, в числе которых: а) субъекты, ведущие досудебное производство (следователь, дознаватель, орган дознания, следователь-криминалист, руководитель следственной группы, руководитель группы дознавателей); б) субъекты, осуществляющие надзорные полномочия в досудебном производстве (прокурор); в) субъекты, осуществляющие контрольные полномочия и, при необходимости, ведущие досудебное производство (руководитель следственного органа, начальник органа дознания, начальник подразделения дознания) (*положение 3*).

Соискатель совершенно прав в том, что в уголовном процессе категория «компетенция» может рассматриваться в двух взаимосвязанных значениях: а) как совокупность знаний, умений, навыков, которыми должно обладать определенное лицо, для возможности участия в уголовном производстве; б) как круг определенных УПК РФ полномочий конкретных участников процесса. Выделение видов уголовно-процессуальной компетенции субъектов, ведущих досудебное производство, в зависимости от этапов и форм досудебного производства помогает структурировать и упорядочить деятельность анализируемой группы субъектов (*положение 4*).

Представляется оправданным вывод о пределах компетенции субъектов, ведущих досудебное производство, – как основанных на закрепленных в УПК РФ правилах подследственности ограничения полномочий соответствующих субъектов по осуществлению видов их процессуальной деятельности. Проведенный автором анализ позволяет заключить, что используемое в ряде статей словосочетание «в пределах компетенции» носит различную смысловую нагрузку, не позволяет четко определить возможности субъектов, ведущих досудебное производство, по осуществлению полномочий и требует корректировки (*положение 5*).

Не вызывают сомнения выводы о том, что уголовно-процессуальная компетенция по рассмотрению сообщений о преступлениях включает обязанность приема и проверки сообщения о каждом (любом) совершенном или готовящемся преступлении каждым (любым) субъектом, уполномоченным вести досудебное производство. Деятельность по регистрации сообщения о преступлении не является уголовно-процессуальной, в связи с чем не входит в процессуальную компетенцию субъектов, ведущих досудебное производство. Пределы компетенции (применение правил подследственности) должны устанавливаться на этапе разрешения информации о преступлении, когда деянию, о котором поступило сообщение, дается предварительная правовая оценка (*положение 6*).

Однако, столь категорический вывод о том, что принятие решения об отказе в возбуждении уголовного дела на основании п. 1 ч. 1 ст. 24 УПК РФ не предполагает предварительной квалификации деяния, представляется неоправданным. Предложения о закреплении в законе полномочия прокурора, в порядке исключения, легитимизировать постановления об отказе в возбуждении уголовного дела,

вынесенные субъектами, ведущими досудебное производство, за рамки подследственности, соответствующее ч. 4 ст. 7 УПК РФ имеет высокую прикладную ценность (*положение 6*).

Соискатель предпринимает достаточно успешную попытку выделить основные направления реформирования компетенции при предварительном расследовании уголовного дела, предлагая: упразднить дознание как форму расследования; регламентировать унифицированную компетенцию по предварительному расследованию, осуществляемому любыми субъектами, ведущими досудебное производство, по правилам предварительного следствия и с возможностью вынесения уведомления о подозрении в совершении преступления; закрепить единые правила, отражающие процессуальную самостоятельность субъектов, ведущих досудебное производство; расширить надзорные полномочия прокурора, в том числе в части определения по его усмотрению дискреционной подследственности; преобразовать компетенцию по производству дознания в сокращенной форме в компетенцию по предварительному расследованию в сокращенной форме. Аргументированными являются абсолютное большинство предложений по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства в части правового регулирования полномочий субъектов, ведущих досудебное производство при проведении предварительного расследования в сокращенной форме (*положение 7*).

Определенную практическую ценность представляет положение об обусловленности компетенции, предусмотренной в ст. 157 УПК РФ, исключительными обстоятельствами, вызывающими необходимость быстрого реагирования на совершенное преступление любым субъектом, ведущим досудебное производство. Видится справедливым предложение автора о законодательном закреплении полномочий возбуждать уголовное дело и проводить по нему неотложные следственные и иные связанные с ними процессуальные действия субъектами, которыми выявлено преступление «чужой» подследственности, в случае отсутствия субъекта досудебного производства, которому подследственно уголовное дело (*положение 8*).

Научный интерес представляют многие иные суждения, содержащиеся в диссертации.

В первом параграфе первой главы «Субъекты досудебного производства в системе участников уголовного процесса автором проведен анализ действующего и ретроспективного законодательства по исследуемому вопросу, масштабное обобщение основных позиций ученых (А.С. Барабаш, В.П. Божьев, Т.Н. Добровольская, И.В. Смолькова, М.С. Строгович, И.В. Тыричев, А.А. Чувилев, В.Н. Шпилев, Ю.К. Якимович и др.) по вопросу о соотношении понятий «участник» и «субъект» уголовного судопроизводства. По результатам выделены 4 основных точки зрения: 1) они тождественны; 2) они различны и являются самостоятельными категориями; 3) понятие «участник уголовного судопроизводства» шире понятия «субъект»; 4) понятие «субъект уголовного судопроизводства» шире понятия «участник». Приводится интересное мнение, которое высказали в ходе анкетирования ученые, имеющие степени докторов и кандидатов юридических наук. Из 52 респондентов 29 (55,8%) считают, что понятие «участник» шире понятия «субъект», 16 (30,8%) ученых полагают, что данные категории являются самостоятельными и только 7 (13,4 %) респондентов считают их равнозначными. Примечательно, что среди большинства практических сотрудников правоохранительных органов (48,6%)

преобладает позиция о том, что понятие «участник» уголовного процесса шире, чем его «субъект» (стр. 28).

Во втором параграфе первой главы «Классификация субъектов досудебного производства, ее значение при определении компетенции» соискатель рассуждает о введении в Российской Федерации института следственных судей. Делается аргументированный вывод, что роль компетенции этих должностных лиц будет отнесено формирование доказательств и принятие решений о правовой оценке деяния, т.е. создание правовых условий для рассмотрения уголовного дела в суде по существу, то соответственно появится возможность причисления следственных судей к соответствующим субъектам.

Третий параграф первой главы «Понятие, сущность и виды уголовно-процессуальной компетенции субъектов, ведущих досудебное производство, регламентация ее пределов» автор посвятил краеугольной категории «компетенция», рассматривает также связанные с ней термины «компетентный», «компетентность», «пределы компетенции». Соискатель проводит системный мониторинг норм УПК РФ на предмет упоминания данных терминов (стр. 76-78), выявляет различные его интерпретации. Констатирует, что в ст. 5 в числе основных понятий толкование «компетенции» не приводится. Обращение к справочной литературе дает основание соискателю констатировать, что слово «компетенция» используется в двух основных смысловых значениях, как: а) совокупность знаний, умений, навыков, которыми должно обладать определенное лицо для возможности участия в уголовном производстве; б) круг определенных УПК РФ полномочий конкретного участника процесса. Анализ позиций ученых, специализирующихся в различных отраслях права, позволяет заключить, что компетенция государственного органа или должностного лица определяется двумя составляющими: 1) полномочия (основной компонент) и 2) предмет ведения (подведомственность, юрисдикция, подследственность). Автор критически оценивает точку зрения, об отождествлении компетенции с фактической деятельностью субъекта, поскольку она представляет собой именно правовую характеристику деятельности (стр. 95).

Импонирует позиция соискателя, сформулировавшего ёмкое определение уголовно-процессуальной компетенции как предусмотренной УПК РФ и обусловленной процессуальной функцией совокупности полномочий, отражающей вид уголовно-процессуальной деятельности субъекта уголовного судопроизводства. (стр. 96).

Диссертант верно акцентирует внимание на разграничении категории «компетенция» и «подследственность». При этом обоснованно считает целесообразным скорректировать положения УПК РФ, которые содержат словосочетание «в пределах компетенции»: а) в ч. 3 ст. 11 УПК РФ слова «в пределах компетенции» исключить, поскольку они не несут какой-либо дополнительной смысловой нагрузки; б) в ч. 1 ст. 37 УПК РФ данные слова заменить словосочетанием «в соответствии с компетенцией», не содержащим ограничение полномочий; в) в ч. 1 ст. 38, ч. 1 ст. 144, ч. 1 ст. 146 УПК РФ изменить их на слова «в соответствии с подследственностью», тем самым сделать более определенными полномочия субъектов, ведущих досудебное производство (стр. 100-101).

В преамбуле ко второй главе автор проводит аналитику вносимых изменений, касающихся регулирования полномочий органов и должностных лиц досудебного расследования (стр. 102-103). Приводятся весьма актуальные статистические

сведения, обнаруживающие негативные явления в правоприменительной деятельности (стр. 104). Далее справедливо обозначается организационно-процессуальная проблема ненадлежащей регламентации компетенции субъектов, ведущих досудебное производство. Ставится созидательная научная задача исследователя по оптимизации уголовно-процессуальной компетенции, которая предполагает изучение сформировавшихся в исторических условиях отдельных полномочий субъектов, ведущих досудебное производство, отражающих соответствующие виды уголовно-процессуальной деятельности (стр. 105).

В первом параграфе второй главы «Оптимизация компетенции по рассмотрению сообщений о преступлениях» проведен анализ общих закономерностей к разграничению полномочий различных субъектов при реализации указанного вида уголовно-процессуальной деятельности, установлению пределов данной компетенции.

Близкими по духу видятся рассуждения автора об излишней заформализованности процедур рассмотрения сообщения о преступлении. Следует согласиться с обозначенным автором вектором развития стадии возбуждения уголовного дела, предполагающим не формальное упразднение первоначальной стадии, а качественное изменение субъектов досудебного производства к её реальному назначению, согласно адекватным ориентирам достаточности установленных законом процессуальных средств (стр. 117-118).

Диссертант обстоятельно, ссылаясь на результаты анкетирования (62,7% опрошенных следователей и дознавателей полагают возможным проведение органом дознания по поручению в стадии возбуждения уголовного дела следственных и иных процессуальных действий, 37,3% – проведение лишь оперативно-розыскных мероприятий), справедливо указывает на то, что современные нормы уголовно-процессуального законодательства о поручении следователя требуют устранения неопределённостей (п. 4 ст. 38, п. 11 ч. 3 ст. 41, ч. 1 ст. 144 УПК РФ), при этом следует предоставить право субъектам, ведущим уголовное досудебное производство, самостоятельно определять объем делегирования полномочий органу дознания, а также срок их исполнения. Вызывает солидарность мнение о том, что неурегулированность правоотношений по даче поручений в ходе проверки сообщения о преступлении на законодательном уровне приводит к отсутствию единообразия в правоприменительной практике (стр. 121-122).

Во втором параграфе второй главы «Направления совершенствования правовой регламентации дознания и предварительного следствия» через призму исторического анализа произведено исследование процесса формирования компетенций, характерных для различных форм предварительного расследования. Автор «отталкивается» от трех форм построения предварительного расследования (предварительного следствия (по правилам, определенным гл. гл. 22–31 УПК РФ); дознания (с особенностями, предусмотренными гл. 32 УПК РФ); дознания в сокращенной форме (в соответствии с гл. 32.1 УПК РФ) (стр. 136), в зависимости от которых дифференцируется и компетенция субъектов досудебного уголовного производства.

Далее, достаточно красноречиво излагаются рассуждения о парадигме, сформировавшейся в результате правотворческих метаний, политики хаотичного смешения различных, в том числе плохо совместимых элементов, относящихся к

разным типам процесса, которая не является оптимальной и требует дальнейшего реформирования (стр. 137).

Справедлив вывод соискателя, что сущностно (в плане назначения досудебного производства) компетенции предварительного следствия и дознания не различаются (стр. 147). Разграничение между предварительным следствием и дознанием, которыми чаще всего занимаются одни и те же полицейские органы и которые едины по целям и процессуальным средствам, является искусственным (стр. 150). Верны суждения диссертанта о том, что фактически между формами предварительного расследования остаются различия, которые обусловлены лишь организационными причинами и отражают меньшую процессуальную самостоятельность дознавателей по отношению к следователям (стр. 148).

В качестве яркого проявления плюрализма следует выделить центральные выводы соискателя о преобразовании компетенции по производству дознания в сокращенной форме в компетенцию по проведению предварительного расследования в сокращенной форме, осуществляемого по делам о преступлениях, за которые предусмотрено наказание, не превышающее трех лет лишения свободы (стр. 165). Полномочия субъектов, ведущих досудебное производство при обновленной компетенции аккуратно выверены и сбалансированы автором исследования, имеющим значительный опыт следственной работы и знающим не понаслышке современные негативные тенденции при осуществлении расследования.

Несомненное достоинство работы представляет выдвинутый тезис о том, что возвращение уголовного дела прокурору для организации производства предварительного расследования в общем порядке должно быть ограничено только инициативой суда в случае установления им обстоятельств, препятствующих постановлению законного, обоснованного и справедливого приговора, в том числе при наличии достаточных оснований полагать самооговор подсудимого (стр. 165).

В третьем параграфе второй главы «Возбуждение уголовного дела и производство неотложных следственных действий: повышение эффективности законодательства и правоприменения», имеющем преимущественно прикладной характер, автор вскрывает пласт не менее важных проблем. Уже только результаты проведенного анкетирования субъектов, ведущих досудебное производство, заставили задуматься диссертанта – ведь не все правоприменители представляют сущность и правовую природу института неотложных следственных действий (95,5% опрошенных сотрудников указали на то, что реализация института неотложных следственных действий не осуществляется). На первый взгляд, кажущийся несложным, институт неотложных следственных действий, предусмотренный п. 19 ст. 5, ст. 157 УПК РФ, автор рассматривает с позиций доктрины (В.Ю. Стельмах, Р.А. Шахназов, Т.Г. Николаева), при этом излагает историю преобразования дознания по делам, по которым предварительное следствие обязательно, в компетенцию по возбуждению уголовного дела и производству неотложных следственных действий. Далее ракурс исследования автор сосредоточил на сравнении «неотложных следственных действий» в их классическом понимании (п. 19 ст. 5, ст. 157 УПК РФ) с четырьмя другими, внешне похожими, но безусловно отличными категориями. Таким как: 1) следственные действия, проводимые в случаях, не терпящих отлагательства, до возбуждения уголовного дела (ч. 1 ст. 144, ч. 2 ст. 176, ч. 4 ст. 178, ч. 1 ст. 179, ч. 4 ст. 195, ч. 1 ст. 202 УПК РФ); 2) следственные действия, производимые в исключительных случаях, не терпящих отлагательства, без

получения судебного решения (ч. 5 ст. 165 УПК РФ); 3) неотложные следственные действия, производимые следователем, дознавателем, установившим, что уголовное дело ему не подследственно (ч. 5 ст. 152 УПК РФ).

Д.С. Мерлаковым по сути использован совершенно новый концептуально-технологический подход, позволивший сделать вывод, что смешение обозначенных категорий приводит к значительным трудностям в определении компетенции органов дознания и предварительного следствия. Подмена одного понятия другим может привести не только к ошибкам, но и к возможному ограничению правовых гарантий лиц, участвующих в уголовном производстве. Напротив, правильное и уместное использование терминов способствует единообразному применению уголовно-процессуального закона (стр. 169).

В заключении соискателем лаконично подводятся итоги выполненного исследования, формулируются предложения, излагаются перспективы дальнейшей разработки темы (стр. 200-207).

Все вышесказанное свидетельствует о соответствии диссертации Д.С. Мерлакова всем научно-квалификационным критериям: научной новизне, теоретической и практической значимости.

Апробация результатов исследования достаточна. Теоретические и прикладные положения диссертации обсуждались на заседаниях кафедры уголовного процесса Омской академии МВД России, докладывались в выступлениях на научно-практических конференциях и семинарах в период с 2019-2023 гг., в том числе международного и всероссийского уровней в Омске, Томске, Краснодаре, Рязани, Минске.

Методические рекомендации, подготовленные по результатам исследования, внедрены в учебный процесс Омской академии МВД России, Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова и используются при преподавании юридических дисциплин. Результаты исследования также внедрены в практическую деятельность следственных подразделений.

Основные результаты исследования опубликованы в 19 научных статьях общим объемом 6,2 п. л., подготовленных автором лично или в соавторстве. Из них 5 статей общим объемом 3,05 п. л. были изданы в ведущих рецензируемых научных журналах, входящих в перечень, определенный Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации для публикации результатов диссертационных исследований.

Содержание работы, затрагиваемые автором проблемы и сформулированные выводы относятся к сфере уголовно-процессуальной науки и предмету уголовно-процессуального регулирования. Диссертация отличается удачным структурированием материала и логичностью его изложения. Работа написана понятным научным языком в пределах установленного объема; оформлена в соответствии с предъявляемыми требованиями. Автореферат отражает основные положения диссертации и соответствуют ей.

Таким образом, изучение текста диссертации позволяет выразить общее положительное мнение и признать, что она является научно-квалификационной работой, в которой содержится решение научной задачи, имеющей значение для развития уголовно-процессуальной науки, законодательства и следственной практики.

Вместе с тем, как и любой другой монографический труд, освещающий содержание и результаты научного исследования, диссертация Д.С. Мерлакова побуждает к определённой дискуссии, вызывает некоторые вопросы и замечания.

1) Соискатель в положении номер № 3 предлагает классификацию субъектов уголовного досудебного производства с использованием критерия «по характеру компетенции», с учетом которого в одну из групп выделяет субъекта, осуществляющего надзорные полномочия в досудебном производстве – прокурора. Между тем, отнесение прокурора к числу исключительно надзирающих субъектов вступает в противоречие с действующим процессуальным статусом данного участника, согласно которому помимо надзора за процессуальной деятельностью органов расследования он уполномочен инициировать от имени государства уголовное преследование, для чего наделен целым рядом «обвинительных» полномочий. Очевидно, что названные полномочия позволяют причислять прокурора к полноправному участнику стороны обвинения. В этой связи, диссертанту в рамках публичной защиты необходимо более четко обосновать свою позицию об отнесении к самостоятельной группе субъектов прокурора, статус которого действительно имеет дуалистическую природу.

2) На стр. 43 автор говорит о значении приведенной им классификации субъектов досудебного производства: «...она формирует более четкое представление о месте и роли субъектов досудебного производства, объеме их прав и обязанностей, позволяет определить приоритет направления совершенствования уголовно-процессуального закона...». А есть ли практическая составляющая данной классификации, и в чем она выражается?

3) Нет возражений по общему выводу о возможности принятия органом дознания решения об отказе в возбуждении уголовного дела за отсутствием события преступления широким кругом субъектов, между тем сама по себе аргументация данного утверждения «отсутствием необходимости предварительной квалификации (стр. 128)» видится ошибочной. Полагаю, что для идентификации деяния как уголовно-наказуемого, пускай и предварительная, но квалификация всегда неминуема. Но, позиция, отстаиваемая Д.С. Мерлаковым в работе, по мнению оппонента, достаточно подробно подтверждается другими аргументами.

4) Соглашаясь с мнением соискателя о расширении дискреционных полномочий прокурора в плане легитимизации постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, вынесенного субъектом «чужой» подследственности, напрашивается ряд уточняющих вопросов: «Каким должен быть механизм реализации такой компетенции? Какие гарантии прав участников необходимо предусмотреть?».

Для устранения возникших сомнений Д.С. Мерлакову будет целесообразно дать соответствующие пояснения в ходе публичной защиты своей диссертации, и возможно усилить свою позицию другими аргументами.

Все высказанные замечания носят частный, сугубо дискуссионный характер и ни в коей мере не снижают общей положительной оценки диссертации, не ставят под сомнение правильность суждений и выводов автора, не умаляют достоинств проведенного исследования и не влияют на общий положительный вывод о работе.

На основании изложенного можно сделать следующее заключение:

Представленная для официального оппонирования диссертация «Уголовно-процессуальная компетенция субъектов, ведущих досудебное производство» является комплексным и завершенным исследованием, основанным на результатах полноценного научного анализа и обладающим внутренним единством, выполненным на актуальную тему, отвечающим требованиям научной новизны, теоретической и практической значимости, высокой степенью достоверности и объективности положений, выводов и предложений, сформулированных автором, содержит решение актуальной задачи, имеющей существенное значение для уголовно-процессуальной науки, соответствует научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки и критериям, установленным разделом II Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842, а её автор Мерлаков Данил Сергеевич заслуживает присуждения искомой ученой степени кандидата юридических наук по специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).

Официальный оппонент:

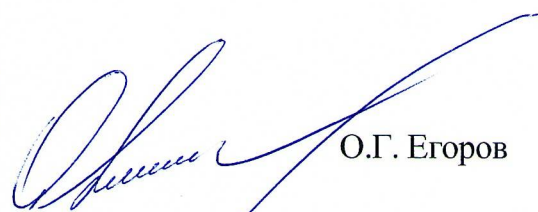
Начальник кафедры уголовного процесса
федерального государственного казенного
образовательного учреждения высшего образования
«Сибирский юридический институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации»
кандидат юридических наук
(научная специальность: 12.00.09 – Уголовный процесс)

« 09 » ноября 2023 г.

Любовь Леонидовна Абрамова

Подпись Л.Л. Абрамовой заверяю
Начальник отделения делопроизводства и режима
Сибирского юридического института МВД России
полковник полиции

О.Г. Егоров

Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации»

Адрес: 660131, г. Красноярск, ул. Рокоссовского, 20

Телефон: (391) 222-41-01, 222-41-10, факс 8 (391) 222-41-11, 222-41-41, 222-41-27

E-mail: sibli@mvd.ru